

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА19 НОЯ 1974
г. Москва

от 27 октября

Новый квартет Шостаковича

Говоря о сочинениях Дмитрия Дмитриевича Шостаковича последних лет, мы весьма часто применяем категорию: «возвышенное». Сама эта категория предполагает как бы «точку отсчета», земной ориентир, по сравнению с которым мы называем явление «возвышенным». К примеру, в предыдущем, Четырнадцатом квартете «духовная драматургия» строилась по наклонной линии снизу вверх, и этот путь вознесения проделала главенствующая в квартете виолончель. Высота, достигнутая в этом и во многих других сочинениях Шостаковича, столь значительна, что было очень трудно предположить, к чему могло бы привести продолжение этой линии. Шостакович преодолел это затруднение (было ли это для него затруднением?) с гениальной, парадоксальной простотой.

В Пятнадцатом квартете нет «точки отсчета». Достигнута такая вершина, где нет силы притяжения. Поначалу это озадачивает. В этом пространстве, в этом измерении все другое — необычное, непривычное — другое ощущение времени. Все шесть частей квартета, длящегося полконцерта, написаны в темпе «адажио». Детали укрупнены, они перестают быть деталями, превращаются в главное. Эта необычная система времени порождает соответствующее ощущение: когда кончается весьма продолжительное сочинение, кажется, что оно только начиналось, и хочется его слушать еще и еще. В первой части — «Элегии» — самые простые, но самые необходимые интонации — квинт-эссенция музыкального смысла, ровный ритм — простейшие взаимоотношения четвертей и восьмых.

Поразительно начало второй части — «Серенады» (все части идут без перерыва). Длинные ноты отдельных инструментов, начинающиеся еле слышно и достигающие максимальной силы звука и срыва, а на срыве другая нарастающая линия и

так далее. Это вызывает ассоциацию со стремительно приближающимися стрелами, длинными и пронзительными.

Серенада в нашем представлении — любовная песнь, романтическое излияние, если не всегда страстное и взволнованное, то всегда эмоционально открытое. «Серенада» же в квартете сдержанна, чуть холодновата.

Горестный речитатив скрипки (впервые быстрое движение, состоящее из очень мелких нот медленного темпа) на фоне заледенелой тянущейся ноты виолончели — таково «Интермеццо» (третья часть), переходящее в «Ноктюрн», в котором, как и в «Серенаде», нет красотостей, ароматов и вздохов. Красота этой музыки строга и отчужденна, напоминает красоту безлунного ночного неба.

«Траурный марш» — самая медленная из медленных же частей — содержит минимальнейшие признаки жанра (как, впрочем, и «Серенада», и «Ноктюрн») — пунктирный ритм и монолог, сдержанная патетика, уже преодоленная боль утраты.

Шестая часть — «Эпилог» — возвращает нас к непостижимой высоте «Элегии»; лишь изредка по этой спокойной музыке пробегает «эфирная рябь»: мерцающие трели-пассажи, приглушенное звучание.

Впечатление от квартета, исполненного 15 ноября в Малом зале Ленинградской филармонии, было огромно. Весь зал стоя приветствовал композитора, присутствовавшего на премьере.

Зал приветствовал и исполнителей — Квартет имени Танеева (В. Овчарек, Г. Луцкий, В. Соловьев и И. Левинзон), сыгравший сочинение на таком высоком художественном уровне, с такой силой убедительности, что у всех осталось ощущение причастности к событию в истории музыки.

Б. ТИЩЕНКО,
композитор.

ЛЕНИНГРАД.